

Из истории изучения удэгейского языка

А. Х. Гирфанова

Удэгейский язык—бесписьменный язык тунгусо-маньчжурской группы, на котором говорят удэгейцы, проживающие на Дальнем Востоке России, в селах Хабаровского и Приморского края, главным образом, по притокам рек Уссури и Амура (рр. Хор, Анюй, Бикин). По последним данным, полученным мною в ходе экспедиции в 2000 г., в стране насчитывалось около 2 тысяч удэгейцев.

В октябре 2002 года была проведена перепись населения России, первая после распада СССР, результаты которой станут известны через год. По предварительным данным на территории России в настоящее время проживает 143,5 млн. человек. В Российской Федерации проживает примерно 180 народов (данные 1989 г.). В их число входят этносы многочисленные, насчитывающие свыше миллиона человек, «среднечисленные», количество которых колеблется от нескольких сотен тысяч до 50 тысяч, и малочисленные (миноритарные) этносы, численность которых может варьироваться от 50 тысяч до нескольких человек. Миноритарные этносы в России в 1992 г. насчитывали 63 этнические единицы. Очевидно, последняя перепись может увеличить число миноритарных народов.

Так, например, заявили о себе «казаки», русскоязычное население, проживающее в южной части России, а также в Сибири и на Дальнем Востоке. До сих пор казачество определялось как военное сословие в дореволюционной России. В XV-XVI вв. за границами России на Днепре, Дону, Волге, Урале, Тереке возникают самоуправляющиеся общины так называемых вольных казаков (главным образом из беглых крестьян), которые стали главной движущей силой народных восстаний на Украине в XVI-XVII вв. и народных войн в России в XVII-XVIII вв. Царское правительство стремилось использовать казачество для охраны границ, в войнах и т.д. и в XVIII в. подчинило его, превратив в привилегированное военное сословие, опору самодержавия. К началу XX в. существовало 11 казачьих войск (в том числе Сибирское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское). В 1920 г. сословие было упразднено.

В связи с этим опять возникает вопрос, каковы критерии выделения этнической единицы, как таковой. Были курьезы, когда во время последней переписи 2002 г. кто-то из опрашиваемых относил себя к «скифам», некоторые русские на севере заявляли, что

они не русские, а «поморы»; встречались даже случаи крайне несерьезного отношения к переписи, когда попадались отдельные личности, утверждавшие, что они «хоббиты» (по прочтении Гарри Поттера), «эльфы» и т.д.

С другой стороны, перепись населения помогает пролить свет на многие вопросы. Например, о существовании «удэгейцев» как этноса стало известно впервые в 1897 г. в ходе переписи в России (Пальчевский 1997). До тех пор удэгейцы не выделялись: в обширной этнографической литературе, работах русских ученых середины и второй половины XIX в. (Л. И. Шренк, Р. К. Маак, М. И. Венюков, Н. М. Пржевальский, В. П. Васильев и др.), проводивших свои исследования в бассейнах р. Амура и Уссури, удэгейцы рассматривались в составе других этнических групп, которые назывались «орочи», «орочены», «орочоны». Введение в оборот этого этнонима связывается с именем французского мореплавателя Ж. Лаперуза, побывавшего на Дальнем Востоке в 1787 г. (Шренк 1888:142).

Первые лингвистические сведения по удэгейскому языку появляются в работе И. П. Надарова «Северно-Уссурийский край», в приложении к которой содержится словарь из 238 слов (Надаров 1887). В 1901 г. С. Н. Браиловский в своей монографии «Тазы или удиһэ», анализируя работы своих предшественников, приходит к выводу о том, что «самоназванием приморских инородцев [...] следует признать название *удиһэ* (*удеэ*, *удэ*)» (Браиловский 1901: 149). Приложение к исследованию Браиловского, озаглавленное «Материалы для словаря удиһэ», содержит около 1000 слов, записанных у «тазов» Тихоокеанского побережья и сопоставленных с лексическими материалами И. П. Надарова, А. Протодяконова, С. Леонтовича и В. П. Маргаритова (Браиловский 1901).

В XIX в. о языке удэгейцев появлялись лишь самые скудные сведения, дающие скорее общее впечатление о восприятии этого языка «на слух», чем собственно лингвистическую информацию. Например, в работе А. А. Бельковича можно прочитать следующее: «и самый язык их (орочон, т.е. в данном случае имеются в виду удэгейцы—А. Г.) представляет смесь каких-то подчас совершенно неуловимых гортанных и носовых звуков, кои очень трудны для произношения, а тем более для правильной передачи их на бумагу при помощи нашего алфавита» (Белькович 1896: 30). Удэгейские названия реалий традиционной культуры, чаще всего записанные очень приблизительно («на слух»), можно найти и в работах современных этнографов (Ларькин 1958, 1959; Вострикова 1978; Смоляк 1980; Подмаскин 1991, 1998; Старцев 1996 и др.)

Тридцать лет своей жизни посвятил изучению Дальнего Востока

выдающийся русский путешественник, ученый и писатель Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872-1930). Неоспоримы его заслуги перед этнографической наукой—он впервые дал наиболее полную и четкую картину расселения народов российского Дальнего Востока, он изучал их историю, материальную и духовную культуру, ему принадлежит первое самое подробное и достоверное естественно-историческое описание Уссурийского края.

Арсеньевым опубликовано 20 книг и брошюр, а также свыше 60 статей, среди которых выделяются «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «Китайцы в Уссурийском крае», «В дебрях Уссурийского края», «Быт и характер народностей Дальневосточного края». Многие из них переведены на ряд иностранных языков. Общий список работ В. К. Арсеньева насчитывает более 120 наименований, при этом продолжается поиск затерянных печатных и рукописных работ, в том числе и монографии об удэгейцах «Страна Удэхе», которую он считал «целью своей жизни» (цит. по Тарасова 1985: 237). Рукопись труда затерялась, но основа его содержится в неопубликованных дневниках и материалах.

Начиная с 1906 г. В. К. Арсеньев сосредоточил свое внимание на удэгейцах. Определяя свое отношение к предмету и задачам этнографии, он обращает особое внимание на необходимость владения языком: «Этнограф должен быть психологом, филологом, юристом и непременно лингвистом. Без языка здесь сделать ничего нельзя. Вот почему этнологические исследования относятся к числу наиболее трудных» (Арсеньев 1916: 50).

Первая попытка более точной фиксации удэгейского произношения была предпринята В. К. Арсеньевым в полевых дневниках (начиная с 1906 г.) и в оставшемся в рукописи «Русско-орочском словаре» (записи 1908-1909 гг.), а также в примыкающих к нему лексико-тематических заметках. Словарь представляет собой две объемистых рабочих тетради большого формата, развороты которых разбиты на восемь колонок: (1) русские слова в алфавитном порядке (более 3000 слов), (2) орочи Императорской гавани и рек Коппи, Тумнин, (3) орочи Самарги и Единки; (4) орочи с р. Кусун, (5) орочи с Имана, (6) шаманский, (7) орочи с Хора, (8) орочи с рек Анюй и Хунгари. В отдельной тетради обычного формата представлены лексико-тематические подборки слов и комментарии этнографических реалий (включая схематические рисунки).

Первоначально Арсеньев называл удэгейцев «орочами» (то, что под орочами имелись в виду именно удэгейцы, видно из указаний традиционных мест их расселения), «ороченами», «жекарями», «газами», но по мере их изучения убедился в том, что это отдельная этническая единица, самоназвание которой «удэхе». В своей работе «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк

Уссурийского края. 1901-1911» Арсеньев впервые употребил этноним «удэхе» в печати.

В предисловии к работе «Лесные люди—удэгейцы» Арсеньев отмечал, что «настоящая брошюра есть краткое и популярное изложение большого труда «Страна Удэхе», над которым автор работает более 25 лет и к изданию которого он намерен приступить в ближайшем будущем» (Арсеньев 1926: 3-4). Здесь же описывался план монографии в двух томах, второй том которой должен был содержать грамматику удэгейского языка, его словарь и фольклорные материалы. Существует мнение, что Арсеньев, благодаря которому удэгейцы стали известными не только в России, так и не успел приступить к работе над монографией по удэгейскому языку, или же подготовленная им рукопись затерялась. Можно предположить, что такой рукописи и не существовало, а говоря об описании языка, автор, по-видимому, намеревался доработать собранный им лексический материал (Тарасова 1985: 232).

Стремление к более точной передаче произношения характеризует «Материалы к словарю амурских гольдов» С. Понятовского— экспедиция 1914 г. (Ponjatowski 1923—в этом издании недифференцированно представлена также удэгейская лексика). Как отметил в свое время Е. Р. Шнейдер, «из словарей, дающих материал по удэйскому диалекту, лучшим является словарь Шмидта» (Шнейдер 1936: 5). П. Шмидт попытался учесть все предшествующие публикации, однако в его «Орочском словаре» (1000 слов) без каких-либо уточнений в свою очередь представлены как удэгейские, так и орочские формы (Schmidt 1928).

Лингвистическое описание удэгейского языка и одновременно его внедрение в систему школьного обучения начинается в 30-х годах XX века, когда к этой задаче приступает Е. Р. Шнейдер. В 1932 г. впервые на удэгейском языке выходит его учебник «Наша грамота (*Minti onofi*)», за которым последовали и другие составленные им школьные пособия. В 1936 г. выходит в свет «Краткий удэйско-русский словарь» Шнейдера. Словарь, содержащий около 3-х тыс. слов, поражает невероятно высокой точностью транскрипции зафиксированных слов. Прошло около 70 лет со дня его опубликования, тем не менее он до сих пор является настольной книгой для каждого удэгееведа. В 1937 г. опубликованы «Материалы по языку анюйских удэ». Книга содержит 20 фольклорных текстов, а также загадки с переводами, комментариям к ним и удэгейско-русским словарём, отражавшим специфику анюйского говора удэгейского языка.

В том же году (1937) Шнейдер был репрессирован, его книги были изъяты и стали библиографической редкостью. Преподавание

на «языке удэ» прервалось столь же резко, как и началось. Только в конце 80-х годов усилиями нескольких энтузиастов-учителей возобновились факультативные курсы по удэгейскому языку в средних школах сёл Гвасюги (Хабаровский край) и Красный Яр (Приморский край). Они велись без пособий и без ориентации на какую-либо норму. Под давлением новых обстоятельств в последние годы эта инициатива практически заглохла.

После ареста Е. Р. Шнейдера надолго прервалось целенаправленное изучение удэгейского языка, если не считать, что его материалы, были использованы В. И. Цинциус (Цинциус 1949) и Г. М. Василевич (Василевич 1958), а также такими зарубежными алтаистами, как Й. Бенцинг (Benzing 1955) и К. Г. Менгес, посвятивший удэгейскому языку отдельную статью (Menges 1968). Только в 60-х гг. была напечатана работа О. П. Суника, в которой автор с новых позиций освещал фонетический строй языка, а также некоторые вопросы морфологии (Суник 1968). Впервые свое решение самого сложного вопроса фонетики удэгейского языка (о статусе гортанного смычного в удэгейском языке и связанном с этим вопросом о статусе так называемых «прерывных» гласных) О. П. Суник предложил в книге «Кур-урмийский диалект» (1958), привлекая данные морфологии.

Латинская транскрипция Е. Р. Шнейдера, точно передающая фонетические особенности удэгейской речи середины 30-х годов (прежде всего его хорского диалекта), фонематически всё же остаётся спорной. Не прояснили фонологического статуса скруплезно зафиксированных автором фонетических реализаций исследования Л. Р. Зиндера и М. И. Матусевич, выводы которых Шнейдер постарался учесть и в послесловии к словарю (Шнейдер 1936: 83, прим. 1), и в публикации материалов по анюйскому диалекту (Шнейдер 1937). Более того, Л. Р. Зиндер был склонен подключить к системе удэгейского вокализма и дифтонги, но впоследствии он критически оценивал результаты этих ранних экспериментов (см. Кормушин 1998: 62, прим. 1). В архиве проф. Л. Р. Зиндера сохранилась машинописная копия неопубликованной статьи, посвященной экспериментальному исследованию фонетики удэгейского языка (работа датируется 1937 г.); наблюдения над дифтонгами здесь представлены на стр. 3-5 и 11. В списке этой статьи, хранящемся на кафедре общего языкознания филологического факультета СПбГУ удэгейские примеры в большинстве случаев пропущены.

Несомненная фонетическая скруплезность полевых записей Шнейдера (и разработанный им на этой основе удэгейский алфавит) вовсе не предполагает, что им был, если и не окончательно, то правильно поставлен и решен вопрос о фонологическом статусе тех

фонетических реализаций, которые прослеживались в речи удэгейцев. Наиболее проблематичной является система вокализма. Эта проблема до сих пор остаётся не только спорной, но и полемически заострённой, так как разные авторы, настаивая на своём видении фонетических особенностей языка, разрабатывают материалы, предназначенные для обучения удэгейцев «родному» языку, порой вызывающие у них недоумение.

Уникальным лексикографическим обобщением, позволяющим начать подготовительную работу по сравнительно-историческому изучению отдельных языков и тунгусо-маньчжурской языковой группы в целом является двухтомный «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» (*ССТМЯ*), подготовленный под редакцией В. И. Цинциус. Однако, составителям *ССТМЯ* не удалось избежать серьезных ошибок как в подаче лексики, так и в приводимых ими этимологиях. Фактически *ССТМЯ* развивал принципы, заложенные Г. М. Василевич в издание «Эвенкийско-русского словаря» (1958), в словарных статьях которого приводились также соответствия с другими тунгусскими языками (в том числе с удэгейским). В частности, в составлении словаря специалисты по удэгейскому языку непосредственного участия не принимали.

При этом использованные в *ССТМЯ* материалы Е. Р. Шнейдера и полевые записи И. В. Кормушина подверглись определенному переосмыслению. При транслитерации латинского алфавита Шнейдера на кириллицу был допущен ряд неточностей, искажающих представление о фонетическом облике слов. К тому же среди фактологических ошибок, усложняющих использование данных *ССТМЯ*, можно отметить непоследовательность группировки материала в словарных статьях.

Здесь хотелось бы особо отметить необходимость критического отношения к способам передачи фонетического облика слов и содержательного осмысления текстов, представляющих бесписьменную языковую традицию. Так, К. А. Новикова обращала внимание на то, что «не у всех исследователей тунгусо-маньчжурских языков существует четкое разграничение фонологической (или фонематической) и фонетической транскрипций. Применяя фонологическую транскрипцию, эти исследователи нередко обозначают не только фонемы, но и некоторые их оттенки, а применяя фонетическую транскрипцию, указывают далеко не все существенные для фонетической характеристики языка оттенки фонем» (Новикова 1961: 30-31).

Что касается интерпретации значений слова, то нередко проявляется излишняя их детализация (что обусловлено конкретными

ситуативными контекстами, в которых осуществляется опрос информантов), в результате чего создается впечатление некой языковой «экзотики». К сожалению, в последнее время появились исследования, авторы которых на основании весьма поверхностного знакомства с такого рода «экзотическими» интерпретациями бесписьменных языковых традиций выдвигают крайне противоречивые и не подтверждаемые реальными лингвистическими фактами «семиотические» и грамматические теории.

В 60-х годах к изучению удэгейского языка под руководством О. П. Суника обратился И. В. Кормушин, предпринявший несколько экспедиций в удэгейские сёла. Свои наблюдения над удэгейской грамматикой он частично обобщил в ряде публикаций (ср. Кормушин 1978). Лишь недавно опубликована его книга «Удыхейский (удэгейский) язык» (1998), включающая также материалы по этнографии, тексты и удэгейско-русский словарь. В предисловии к словарю автор упоминает лексику, не включенную в *ССТМЯ*, наряду с теми случаями, когда в него «вкравлись какие-либо ошибки в отношении удыхейского, в том числе и по вине самого автора—ввиду несовершенства его первых материалов» (Кормушин 1998: 201-202—в словарных статьях даны соответствующие пометы).

Вместе с тем, И. В. Кормушин почему-то интерпретирует все случаи употребления латинской графемы *c* [č] у Шнейдера как *ц* [ts], хотя такое произношение свойственно только бикинскому диалекту. Достоинства словаря Кормушина, который существенно дополнил хорские и анюйские материалы Е. Р. Шнейдера данными других диалектов, одновременно обусловили и основной недостаток этого лексикографического труда. Он оказался преимущественно ориентированным на фонетические особенности бикинского и самаргинского диалектов («джекающих» и «джекающих» в отличие от «джекающего» и «джекающего» хорского).

Свою фонологическую интерпретацию удэгейской фонетики—и очень спорную—предложил М. Д. Симонов (1988), разработавший на этой основе орфографию, которая использована в издании фольклорных материалов (*Фольклор* 1998) и в «Словаре удэгейского языка» (1998-1999), отражающего только хорский его диалект и фольклорные тексты, обладающие своей языковой спецификой, в том числе в области лексики. Достоинство этого издания в широком привлечении текстовых иллюстраций к рассматриваемым словоупотреблениям (хотя многие примеры встречаются по несколько раз). Основным же его недостатком, помимо спорности принятых авторами написаний, является избыточная ориентированность на контекстуально обусловленные «оттенки значения», как лексического, так и грамматического.

По словам М. Д. Симонова (автора предисловия к словарю), «не имея возможности пополнить свой материал там, где это необходимо, новыми контекстами, мы вынуждены давать на суд читателя лишь *предположительно выделенные значения* (выделено нами—А.Г.)» (Кялундзюга & Симонов 1998: 33). Причем, «частично оттенки отражают реальность удэгейского языка, частично *русского перевода* (выделено нами—А.Г.)» (там же: 34). Если основная трудность лексикографического описания любого языка заключается в том, чтобы удержаться на «золотой середине» между общим (категориальным) значением и контекстуальными осмыслениями слова (его потенциальными «смыслами»), то составители данного словаря такого условия изначально не ставили.

В 2001 г. была издана грамматика удэгейского языка «A Grammar of Udihe» И. А. Николаевой и М. А. Тольской. О достоинствах этой работы можно прочитать в рецензии, написанной Ю. Янхуненом (Janhunene 1999: 461-463). В то же время следует хотя бы вкратце сказать и о недостатках. Во-первых, описание строится на материалах только одного (бикинского), не базового диалекта. При этом, как это вытекает из текста, представление о другом (хорском), базовом диалекте удэгейского языка весьма смутное. Это и понятно, ни один из авторов там ни разу не был.

Мое личное наблюдение более широкого плана. Некоторые исследователи, вторгаясь в область не своих интересов, не всегда с должным вниманием относятся к работам своих предшественников. Понятно стремление блеснуть эрудицией, но, наверно все же нужно уважать сложившиеся в данной области традиции. Так, например, авторы называют эти два основных диалекта удэгейского языка почему-то северным и южным, что невероятно затрудняет чтение; иногда авторы в доказательство своей точки зрения приводят сведения других энтузиастов, пусть и филологов, но не специалистов в области тунгусо-маньчжуроведения. Недостатки работы будут освещены в специальной рецензии.

Удэгейский язык относится к языкам агглютинативного типа, в которых процессы словообразования и формообразования подчиняются относительно строгим и стандартным правилам. Структура слова при этом остается прозрачной, хотя его фонетический облик и видоизменяется под влиянием сингармонизма, а в удэгейском языке и в результате тенденции к фузии, чем прежде всего объясняются противоречивые интерпретации его фонетических особенностей (по сути морфонологических правил, обусловленных плотным или неплотным примыканием фонем на морфемных швах).

Дополнительным отличием структуры слова в языках агглютинативного типа является фактическое неразличение глагольных и именных основ (о частях речи в данном случае можно говорить только применительно к конкретным словоформам—они имеют функциональный характер, но не всегда определяют грамматическую принадлежность отдельного «словарного слова»). Поэтому, с нашей точки зрения, общим недостатком всех упомянутых словарей (кроме издания Е. Р. Шнейдера, предназначенного преимущественно для начальной школы) является то, что слова описываются в них изолированно.

Поскольку грамматические и лексические значения постоянно пересекаются (к тому же правила сингармонизма и морфонология в случае бесписьменного языка, каким является удэгейский, усложнены также диалектными особенностями), то для систематизации и описания словаря агглютинативных языков, представляется более целесообразным использование гнездового принципа. Именно этой идеей мы руководствовались при составлении сводного «Словаря удэгейского языка» (Гирфанова 2001), в котором описано свыше 8 тыс. словоформ. Помимо наших полевых материалов, в словаре отражены почти все опубликованные и частично архивные записи удэгейской лексики.

Пересмотрев и обобщив порой противоречивые данные наших предшественников, мы сочли нужным привести также оригинальные авторские написания (их сопоставление само по себе показательное), поскольку не считаем свою интерпретацию удэгейской фонетики окончательной. Мы попытались также отразить в словаре местные и традиционные этнографические реалии, в большинстве своем исчезнувшие из современного быта: необходимые пояснения даются в качестве самостоятельного элемента словарной статьи—они дополняют общеупотребительные и контекстуальные значения слов минимально необходимой «энциклопедической информацией».

Оценка проделанной нами работы по описанию удэгейской лексики, не может быть здесь предметом рассмотрения. Хотелось все же подчеркнуть, что вряд ли осуществимо корректное описание грамматики и истории бесписьменных и младописьменных языков без предварительного анализа и обобщения имеющегося в распоряжении лексического материала. В целом лексикографические источники по тунгусским языкам весьма разнородны. Они отражают и различные авторские намерения, и разные точки зрения на природу слова и его значений, не говоря о проблемах, связанных с фонетическими и грамматическими особенностями описываемого языка—в нашем случае удэгейского.

В одном из петербургских издательств готовится к выпуску серия

учебных пособий для удэгейской школы, в числе которых школьная версия «Удэгейско-русского и русско-удэгейского словаря», «Грамматика удэгейского языка в таблицах», «Иллюстрированный словарь удэгейского языка», подготовленные автором данной статьи. Я расцениваю это как скромный вклад в дело образования и просвещения удэгейцев. Не приходится рассчитывать на возрождение языка, так как благоприятное время для этого упущено. В настоящее время осталось не более пятидесяти человек, владеющих удэгейским языком, и это люди старше шестидесяти лет. Конечно, если ввести как обязательный в школе предмет удэгейский язык, то дети изучать его будут, но как иностранный (о социолингвистической ситуации у удэгейцев см. подробно – Гирфанова 2002: 196-207)

Большой интерес к удэгейскому языку проявляют в последнее десятилетие коллеги в Японии. Проф. Тосиро Цумагари (Университет Хоккайдо) и д-р Синдзиро Казама (Университет иностранных языков, г. Токио) предприняли несколько экспедиций в удэгейские села.

Литература

- Арсеньев, В.К. (1912) *Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края. 1901-1911 гг.* Т.1-2. Хабаровск.
- Арсеньев В.К. (1916). Этнологические проблемы на востоке Сибири. «Вестник Азии». Т. 38-39, книга 1-2, Харбин.
- Арсеньев, В. К. (1926). *Лесные люди удэгейцы*. Владивосток.
- Белькович А. Л. (1896). Из дневника члена Приамурского отдела Императорского географического общества во время экспедиции по исследованию Уссурийского края летом 1894 г. (*Труды ПОИРГО* за 1895 г.) Хабаровск.
- Браиловский С. Н. (1901). Тазы или удихэ (Опыт этнографического исследования). [Отдельный оттиск из журнала «Живая старина», СПб. Вып. 2-4]. Владивосток.
- Василевич Г. М. (1958). *Эвенкийско-русский словарь*. Москва.
- Вострикова Г. Г. (1978). Ботанический анализ природного лекарственного сырья, используемого удэгейцами, нанайцами, ульчами. *Биологические ресурсы Восточной и Юго-Восточной Азии и их использование*. Владивосток.
- Гирфанова А. Х. (2001). *Словарь удэгейского языка*. СПб.
- Кялундзюга, В. Т. & М. Д. Симонов (1998-1999). *Словарь удэгейского языка: удэгейско-русский-удэгейский* (Препринт), Т.1-3. Издан А.Ф. Маевичем. Стеншев.
- Кормушин И. В. (1978). Категория каузатива в алтайских языках. *Очерки сравнительной морфологии алтайских языков*. Ленинград.
- Кормушин И. В. (1998). *Удыхейский (удэгейский) язык*. Москва. [Словарь. С. 201–315.]
- Ларькин В. Г. (1958). *Удэгейцы (Историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней)*. Владивосток.
- Ларькин В. Г. (1959). Этнографическое изучение иманских и хунгарийских удэгейцев. *Труды ДВФ СО АН СССР*. Сер. ист., Т. 1. Саранск.

- Леонтович С. (1896). *Краткий русско-ороченский словарь с грамматической заметкой. Наречие бассейна р. Тумнин*. Зап. Общества изучения Амурского края, Т. 5. Вып. 2. Владивосток.
- Маак Р. К. (1861). *Путешествие по долине реки Усури*. СПб.
- Маргаритов В. П. (1888). *Об орочах Императорской гавани*. СПб.
- Надаров И. П. (1887). *Северно-Уссурийский край*. Зап. Имп. русского географич. общества. Т. 17, № 1. СПб.
- Новикова К. А. (1961). *Проект единой фонетической транскрипции для тунгусо-маньчжурских языков*. Москва & Ленинград.
- Пальчевский Н. А. Перепись по бассейну р. Иман. «Дальний Восток» № 46-47. Владивосток.
- Подмаскин В. В. (1991). *Духовная культура удэгейцев XIX–XX вв.* Владивосток.
- Подмаскин В. В. (1998). *Народные знания удэгейцев. Историко-этнографическое исследование по материалам XIX–XX вв.* Владивосток.
- Протодяконов А. (1888). *Краткий русско-ороченский словарь*. Казань.
- Симонов М. Д. (1988). Фонологическая система удэгейского языка. *Историко-типологические исследования по тунгусо-маньчжурским языкам*. Новосибирск.
- Смоляк А. В. (1980). Удэгейцы. *Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения*. Москва.
- ССТМЯ – *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю*, Т. 1-2. Отв. ред. В. И. Цинциус. Ленинград (1975-1977).
- Старцев А. Ф. (1996). *Материальная культура удэгейцев (вторая половина XIX–XX в.)*. Владивосток.
- Суник О. П. (1968). Удэгейский язык. *Языки народов СССР*, Т. 5. Ленинград.
- Тарасова А. И. (1985). *Владимир Клавдиевич Арсеньев*. Москва.
- Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, екэ* / Сост. М. Д. Симонов, В. Т. Кялундзюга, М. М. Хасанова. Новосибирск (1998).
- Цинциус В. И. (1949). *Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков*. Ленинград.
- Шнейдер Е. Р. (1936). *Краткий удэйско-русский словарь. С приложением грамматического очерка*. Москва & Ленинград.
- Шнейдер Е. Р. (1937). *Материалы по языку анюйских удэ*. Москва & Ленинград.
- Benzing J. (1955). *Die tungusischen Sprachen: Versuch einer vergleichender Grammatik*. Wiesbaden.
- Janhunen J. (1999). The Udeghe language lost and refound. *Studia Orientalia*, vol. 85, pp. 459-465. Helsinki.
- Menges K. H. (1968). *Die tungusischen Sprachen*. Handbuch der Orientalistik, Bd 5. Altaistik. Leiden & Köln.
- Nikolaeva I. A. & Tolskaja M. A. (2001). *A Grammar of Udihe*. Berlin & NY.
- Ponjatowski S. (1923). *Materials to the Vocabulary of the Amur Gold*. Warszawa.
- Schmidt P. P. (1928). *The language of the Oroches*. Acta Universitatis Latviensis, V.17. Riga.

